

Элчан-Кайя -2/ продолжение

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Элчан-Кайя -2/ продолжение V.

Христо вылез из-под брезента, потер усталые глаза.

«Да что за черт, – подумал грек, – было ли все это?» И вздрогнул.

Услыхал – бьются друг о друга, говорят камни.

Фу ты! Да это ветер треплет брезент, а брезент ворочает камни, что навалил по краям Христо.

«Заснул я, привиделось, не был в порту Элчан-Кайя, не ходили по городу старинные турки».

А собака сидит против Христо, смотрит ему в глаза и подрагивает мокрой шерстью на холоду.

И не знал Христо: ходил он за город на татарское кладбище или проспал за полночь, и все привиделось.

Собака знает. А как спросить?

– Филе, Филе, – сказал Христо, – ходили мы с тобой?

Собака подвизгнула и стала тереться мордой о Христину руку.

Глянул Христо на море – пусто в порту. Ровно сочит свой красный свет маяк, и стоит в стороне белый парусник.

Вот и ветер стал спадать. Дунул, дунул и оборвался. Мутным заревом дымит за облаками луна. Капнули по небу звездочки.

Прошел шторм, выдулся ветер, и глянула с неба спокойная луна. Круглая, ясная.

– А трелля, трелля, глупости это, – сказал Христо и обошел мешки.

Все спокойно. Постучал ногой в камень. Наутро заведующий скажет: хороший человек Христо, уберег мешки Христо. Все убежали, а Христо молодец – иди спать.

VI.

Чуть стало солнце подыматься, пошел Христо домой, и Филос-пес поплелся сзади.

Вошел в дом, жена ахнула.

– Где был, откуда грязи набрался? Точно волокли тебя за ноги по дороге!

Глянул Христо: весь бок в грязи, в липкой глине. Посмотрел на собаку: по брюхо собака вывалялась, на хвосте комьями глина налипла.

Глядит Христо и не знает, что жене сказать.

– Элчан-Кайя, – шепчет Христо я стоит глаза выпучив.

Жена тараторит:

– Снимай, – кричит, – ботинки! Ты пастух или сторож? Смотри, морда вся в грязи.

Пока стаскивал пудовую одежду, надумался Христо, что врать:

– Привезли, – говорит, – хохлы хлеб, полколеса в грязи, обмазался я об колеса.

Помотала жена головой и поставила чайник на мангал.

Смотрит Христо на собаку, собака на него из угла косится.

«Хорошо, – думает Христо, – что собака говорить не может. А то узнала бы баба про золото, испугалась, ни за что не пустила бы и одного червонца взять. Все соседки узнали бы, весь город. Пришло б начальство, и весь клад свезли бы в контору, а Христо остался бы в дураках».

Разве грек может так сделать? Грек и пьяный ума не теряет.

VII.

– Ложись спать, – говорит жена, – наморился за ночь. – И пошла во двор чистить Христину одежду.

А Христо лег и ни минуты не спал. Все думал про золото, про каменный корабль Элчан-Кайя. Никто не знает, никто не видел. Может, и не было. И взглянет на собаку. А собака на него глядит черными глазами.

– Мы с тобой знаем, – сказал Христо и ткнул себя в грудь.

В обед вышел Христо в город. Солнце светит, как будто не осень, а весна настала. Топчется веселый народ на улице, в кофейнях посудой звякают, спорят греки за столиками. В кости играют, кофе пьют. Зашел Христо в кофейню: дай, думает, послушаю: если люди видели – разговор будет. Узнаю, что люди

говорят.

Натворила за ночь погода всяких бед: две мельницы положила, рыбакам сетки оторвала и с часовни крышу сдернула. Головами люди качают, языками цокают, а про корабль – ни слова.

Три чашки выпил Христо и до самого вечера сидел в кофейне. Уж свет стали зажигать, вдруг слышит Христо, кто-то сзади сказал: – Элчан-Кайя!

Обернулся – видит, за столиком два моряка-парусника и один говорит другому:

– Иду я судном, думал, уж с дороги сбился, а ведь берегом иду. Вот уж должен быть Элчан-Кайя. Прошел уж два тополя – нет и нет Элчан-Кайя. Так и в порт пришел. Повалило, видать, штормом каменный корабль.

– Э, брось масал рассказывать, – сказал другой. – Сколько лет стоял, не может этого быть. Проспал ты или пьян был. Не ушел же в море Элчан-Кайя на каменных парусах?

– Спроси моих людей, – говорит тот, – коли не веришь. Никто не видал.

Пойди, найдешь каменный корабль – я тебе на него мое судно меняю.

Тут они встали и вышли.

«Ну, – думает Христо, – значит, верно. Дождусь ночи и пойду за кладбище в степь».

VIII.

Зашел Христо домой, крикнул собаку и пошел мешки стеречь.

Луна взошла и тихую ночь привела. Светит лунная дорога на море, и как капля крови рдеет маяк на молу.

А Христо ждет, чтоб смолк город, угомонился б народ, заперся бы в домах. Высоко уже взошла луна. Вот и город замер, только чуть хлюпает зыбь под пристанью. Нашарил Христо старый чугунный колосник, взял под мышку и тихонько свистнул собаку.

Спит город в белых улицах, а Христо в тень прячется, пробирается закоулками на большую дорогу.

Вот и кладбище татарское. Стоят татарские могилы, каменные столбы на могилах, и чалмы высечены. Блестят на луне.

Покосился Христо на каменные чалмы и позвал собаку поближе. Потрепал по спине.

Вот оно место.

Огляделся Христо быстро кругом и вонзил колосник в землю. Раз, раз!

Летит земля комьями. Торопится Христо узнать, есть ли золото, не померещилось ли. Рвет землю, рук не слышит. Тычет колосником. Чует только, как стоят за спиной чалмы на кладбище.

Уж с четверть проковырял Христо. Нет золота.

– Трелля, трелля! – говорит Христо, – привиделось! – А сам все бьет землю злее и злее. И вдруг лязгнул колосник, и блеснуло на луне золото.

Христо сразу в пот бросило. Кинул он колосник, выхватил из земли червонец и зажал в кулак. Оглянулся на кладбище.

Спокойно стоят каменные чалмы за оградой, блестят на лунном свете.

В ушах это звенит, или двинулось там что?

– Филе, Филе, – шепчет Христо, – чужой, чужой!

Насторожилась собака, напряжилась. Уркнула глухо.

Нет, все спокойно. Никого.

Запустил Христо горсть в ямку, ухватил червонцы и сунул не глядя в карман. Скорее заровнял ямку, притоптал ногой и бежать прочь.

IX.

Как вор прокрался в порт, за мешки, за брезент и тут вынул из кармана червонец. Старая мусульманская монета, а чистая как вчерашняя. Горит, на луне нежится. Погладил ее Христо и опять в карман.

Тяжелый карман. Звенит, раскачивается, говорит в нем золото. Не утерпел Христо, снова вынул золотой: поглядеть, на руке взвесить. Поцеловал Христо золотой – спрятал. Двенадцать раз за ночь вынимал Христо золото, чтоб поверить, чтоб порадоваться.

Чуть светать стало – пошел домой. В карманах руки держит, чтоб

молчало золото. Услышат люди: откуда у Христо деньги?

«Приду домой, – думает Христо, – найду ему место».

Разве грек не знает, как надо сделать?

– Фира, – сказал Христо жене, – я больной совсем. Никакой нету силы: тянет в животе, и тошно мне.

Жена зажгла свет.

– Что ты, Христо, что тебе дать? Ты красный какой!

– Дай, – говорит Христо, – огурца соленого, мне лучше будет.

Жена побежала в погреб, принесла пару огурцов, а Христо швырнул огурцы.

– Жаль тебе хороших огурцов мне дать. Это не огурцы – жабы болотные.

Три раза Фира бегала, а Христо все больше ругается. Заплакала – бросила ключи.

– Иди, – говорит, – сам, ты как с ума сошел. Видать, болезнь в голову бросилась.

А Христо поднял ключи и пошел. Нарочно ключами бренчит, чтоб не слышала жена, как золото в карманах переливается.

Пошел в погреб. Вырыл в углу яму, схоронил золото и засыпал землей, а сверху картошкой закидал. Один только червонец оставил Христо.

Х.

А когда ушла жена на базар, Христо вышел, запер двери и побежал на слободку к старому еврею.

Еврей жил на самом краю в последнем доме. Древний старик. Весь в белой бороде как в снегу.

Христо вошел в темную комнату: одно маленькое окошко и то рядом завешено.

Еврей посмотрел на Христо красноватыми глазками, и показалось Христо, что он все знает: и про клад, и про Элчан-Кайя.

И подумал Христо: «Задушить еврея».

А старик сидел, барабанил сухими пальцами по столу, брякал ногтями и смотрел, моргая, на Христо.

Минуту Христо стоял и дышал, как корова, и сказал наконец:

– День добрый!

Разве грек не понимает, как дело делать?

– Здравствуй, – сказал старик и сложил руки под тощим животом, а пальцы один вокруг другого бегают.

– Вот, – говорит Христо, – дядя мне из Турции с верным человеком деньги послал. Старые деньги.

И показал Христо турецкий червонец.

Еврей подошел к окну, отдернул рядом и поглядел на червонец. Стукнул о подоконник.

– Старые деньги, – сказал старик. – Крепкие деньги.

Попробовал на зуб:

– Каменные это деньги.

Христо кровь в голову бросилась, а старик задернул рядом.

– Хочешь двадцать рублей?

Отсыпал он Христо двадцать серебряных рублей. Христо завязал их туго в платок, забил в карман и пошел прочь, и дверь забыл закрыть.

Раньше жены вернулся Христо. Достал лопату и наточил ее на камне, наточил как бритву. Обернул ее мешком и сунул под крыльцо.

На ночь взял с собой лопату, свистнул Филоса-собаку и ушел в порт.

Ночь стояла тихая, звонкая. Тугой свежий воздух стоял над степью. Как Христо не таился, ярко щелкают сапоги по камням. Снял Христо сапоги и босиком засеменял по холодной дороге. Собака сидит сторожит, а Христо роет.

Хрустит лопата, а грек оглядывается, не идет ли кто. Но вот уже отрылся клад, блестит, как золотая лужа на луне. Глянуло золото Христо в глаза.

Шире, шире раскопать! Уж не оглядывается Христо ни на дорогу, ни на кладбище: тычет лопатой, кидает наотмашь землю. Шире бы, шире открылось золото! Вот уже круглым озером стоит и золотой рябью играет на луне, как шевелится все. Глядит Христо и думает:

«Мое, мое это озеро!» И стал руки окунать в золото. Вот оно, вот, как вода, как море переливается. Ниже, ниже наклоняется Христо. По локоть закопал руки. Вот оно, глубокое льется, всплескивает звонкими плесками.

И бросился Христо в озеро, лег и греб под себя золото. Золотыми брызгами летели на луне червонцы и падали со сладким звоном. Нырнуть захотелось греку, зарыться с головой. Закопаться в тяжелое золото.

Зарыл лицо в червонцы, огреб руками золото и замер. Прильнул – не шевелится.

И вдруг слышит: шелохнулось что-то внизу и хрустнули под спудом червонцы. И тут вспомнил Христо про руку с кинжалом. Вскочил и прыгнул на землю. Собака с испугу вбок метнулась. Встала, раскорячась, и смотрит на хозяина. А Христо отбежал шагов сорок, оглянулся. Ласково нежится золотое озеро в черных берегах, не шелохнется. На небе луна стоит, лбастая, мирная и будто в сторону смотрит.

– Нет, – сказал Христо, – трелля, трелля: показалось. – И позвал собаку.

Подошел к золоту, стал на берегу: показывает собаке, тычет пальцем в золото и шепчет прерывисто:

– Филе, Филе, чужой!

Собака сторожко стала над золотым озером, потянула носом и вдруг оцетинилась черной шерстью. Глаза налились. Ворчит собака, дышит зло и глаз не сводит с озера.

– Ну, – говорит Христо, – стереги, стереги, Филе.

Схватил мешок, наплескал туда червонцев, а потом стал очертя голову забрасывать золото землей.

Как же! Оставит грек золото у проезжей дороги!

Отошел Христо шагов сто, стал, оглянулся и смотрит. Брови сдвинул.

Смотрит, спокойно ли лежит золото под землей. И Филос рядом стоит, вперед подался.

И показалось Христо, что чуть шевелится земля над золотом, и собака оскалилась, заворчала.

Да нет! вздор! Туча по луне прошла. Качается сонная луна на облаках и вот мутится все на земле, шатается.

Плюнул Христо, свистнул весело собаке и пошел с тяжелым мешком.

– В чем дело? – сказал Христо вслух. – Я тебя не трогаю, лежи себе на здоровье. Какое твое дело? Держи свой кинжал заклый!

А дома закопал Христо золото под картошкой.

И стал думать, как перенести домой весь клад. Так таскать – беда: заметят люди и тогда пропал. Все пропало и все скажут: дурак Христо, болгарин и тот так не сделает.

А! Разве грек не выдумает, как сделать? Powestler